
Научная статья

УДК 81'27+930.24+571.56

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-73-92

Лингвистический ландшафт Якутии: историческая ретроспекция факторов трансформации в XVII–XXI вв.

В. Б. Игнатьева, И. А. Данилов

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия*

Аннотация

Исследование лингвистического ландшафта Якутии с XVII по XXI вв. основывается на диахронном социолингвистическом подходе. В XVII–XIX вв. якутский язык становится *lingua franca* региона. В XX в. происходит переход от национально-якутского двуязычия к национально-якутско-русскому трехязычию с явным сдвигом в пользу русского языка. В постсоветский период локальные и этноязыковые идентичности восстанавливаются, что свидетельствует о том, что субъективные факторы играют существенную роль в языковой динамике и языковой сдвиг не является необратимым процессом. Трансформация лингвистического ландшафта Якутии не может быть объяснена ни монокаузальной схемой, ни моделью языкового сдвига или сохранения. Это результат длительного взаимодействия природных условий, административных решений, демографических процессов, субъективных факторов и др.

Ключевые слова

лингвистический ландшафт, языковые процессы, языковая ситуация, экстралингвистические факторы, диахронная социолингвистика, Якутия

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00619-26-00 (проекты № FWRS-2024-0073, № FWRS-2024-0066)

Для цитирования

Игнатьева В. Б., Данилов И. А. Лингвистический ландшафт Якутии: историческая ретроспекция факторов трансформации в XVII–XXI вв. // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 73–92. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-73-92

Linguistic landscape of Yakutia: a historical retrospective of transformation factors (17th–21st centuries)

V. B. Ignatyeva, I. A. Danilov

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia*

Abstract

The linguistic characteristics of any region are shaped by a prolonged interplay of geographical features, economic endeavors, historical developments, and sociopolitical shifts. The situation in Yakutia is notably intricate, characterized by its severe climate, diverse ethnic makeup, and prolonged, extensive intercultural interactions. This study examines the linguistic landscape of Yakutia from the 17th to the 21st century using a diachronic sociolinguistic approach. The research analyzes the evolution of the region from an indigenous multilingual space to a Yakut-dominant *lingua franca* zone, followed by a Soviet-era shift toward Russian, and concluding with post-Soviet identity restoration. Analyzing primary sources—including *yasak* (taxation) records, historical travelogues, and census data (1897–2020)—the study identifies three distinct transformational periods. From the 17th to the 19th century, the Yakut language inadvertently became the region's *lingua franca*.

© В. Б. Игнатьева, И. А. Данилов, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

through administrative practices such as the *yasak* system, missionary work, and merchant networks. The 20th century marked a reversal, as the landscape shifted toward Russian, transitioning from Yakut-indigenous bilingualism to a complex Yakut-Russian-indigenous trilingualism. The findings highlight that the post-Soviet period is characterized by unexpected identity reconstruction, suggesting that subjective factors play a critical role in linguistic dynamics and that language shift is not an irreversible process. The study concludes that Yakutia's linguistic landscape cannot be explained by monocausal models. Instead, it is the product of a protracted interplay between environmental conditions, demographic shifts, administrative decisions, and subjective acts of identity construction across different temporal scales.

Keywords

linguistic landscape, language processes, language situation, extralinguistic factors, diachronic sociolinguistics, Yakutia

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the State Assignment No. 075-00614-25-00 (projects No. FWRS-2024-0073, No. FWRS-2024-0066).

For citation

Ignatyeva V. B., Danilov I. A. Lingvisticheskiy landschaft Yakutii: istoricheskaya retrospektiya faktorov transformatsii v 17–21 vv. [Linguistic landscape of Yakutia: a historical retrospective of transformation factors (17th–21st centuries)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 73-92. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-73-92

Введение

Лингвистический ландшафт любого региона формируется в результате длительного взаимодействия множества факторов: естественно-географических условий, хозяйственной деятельности населения, исторических процессов, социально-политических преобразований и др. В случае Якутии этот процесс характеризуется особой сложностью, обусловленной экстремальностью природных условий, полиэтничностью населения и интенсивностью межкультурных контактов на протяжении столетий. На протяжении XVII–XXI вв. Якутия трансформировалась из региона множества языков в пространство, где якутский язык стал средством массового общения для многих этнических групп, а затем, в условиях советской модернизации, стала зоной интенсивного языкового сдвига в пользу русского языка. Сегодня, в постсоветский период, регион переживает новые процессы переосмысления этноязыковых идентичностей.

Проблема исследования заключается в том, что факторы трансформации лингвистического ландшафта Якутии до настоящего времени не были рассмотрены комплексно, с единой исторической перспективы и с привлечением разнородных источников, фиксирующих языковые процессы на протяжении нескольких столетий. Поэтому, исходя из понимания лингвистического ландшафта Якутии как совокупности языков, функционирующих на ее территории, и системы отношений между ними в историческом развитии, целью исследования является выявление и систематизация экстралингвистических факторов, определивших трансформацию этого ландшафта с XVII по XXI вв.

Методологически исследование базируется на подходе диахронной социолингвистики, позволяющем проследить динамику трансформации языковых сообществ во времени и пространстве. Источниковая база включает ясные документы XVII–XVIII вв., содержащие сведения об этнической структуре и языках ясачного населения; путевые описания академических путешественников, отчеты миссионеров и чиновников XIX в., фиксирующие языковую ситуацию; материалы переписей населения 1897 г. и всесоюзных / всероссийских переписей, предоставляющие статистические данные о численности носителей языков и динамике этнической идентичности.

1. Природа и культура как основы лингвистического ландшафта

Разнообразие природных ландшафтов Якутии и сопряженных с ними этногеографических зон [Богораз-Тан 1928], позднее обозначенных как ареалы хозяйственно-культурных типов [Левин, Чебоксаров 1955], оказали значительное влияние на формирование этнокультурного многообразия региона и, соответственно, его лингвистического ландшафта. В процессе адаптации человеческих популяций к окружающей среде в трех природно-климатических зонах – арктической, тундровой и таежной (см. рис. 1) – сформировались отдельные паттерны культуры, ядро которых составляли различные формы природопользования, обеспечивавшие средства существования.

Это группы охотников на морского зверя на побережье арктических морей, оленеводов тундры и лесотундры, рыболовов в устьях больших рек, охотников на северной границе Евразийской тайги [Богораз-Тан 1928: 122–123].

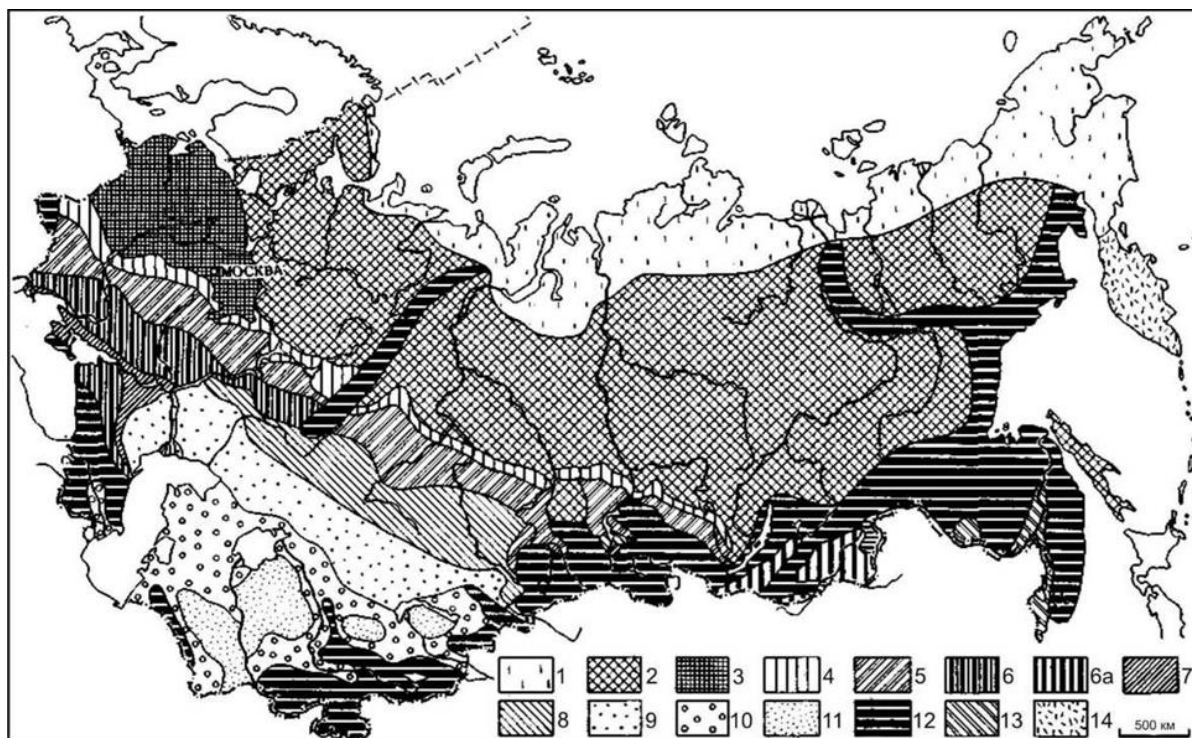

Рис. 1. Ландшафтные зоны России [Берг 1913]¹

Fig. 1. Landscape zones of Russia [Berg 1913]

При последующей спецификации ареалов хозяйственно-культурных типов М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров отметили комплексный характер хозяйства народов Северной Сибири, то есть сочетание основного и вспомогательного занятия [Левин, Чебоксаров 1955: 6]. К ним относились: морской зверобойный промысел (охота на моржей, китов, тюленей и др.) и упряжное ездовое собаководство; тундровое оленеводство и охота; таежная охота и оленеводство; оседлое рыболовство в бассейнах крупных рек и охота на лесного зверя и дичь; таежная охота и рыболовство. Последующая диверсификация экономической деятельности в регионе связана с появлением в III – первой половине IV вв. южных кочевников с неизвестной ранее культурой разведения крупного рогатого скота и коневодства [Алексеев 2013: 67], а во второй половине XVII в. – носителей культуры пашенного земледелия [Башарин 1989: 11].

Система жизнеобеспечения (экономика, технологии производства продуктов, принципы их перераспределения в обществе), направленная на удовлетворение основных потребностей людей в пище, жилище, одежде, продолжении рода, движении (активности) и развитии (обучение), также включает в себя «вторичные элементы» – социальные институты, императивы, ценности, символы, нормы, верования, обычаи, обряды, праздники и др., которые придают целостность всей интегральной модели культуры [Steward 1955; Малиновский 2005]. В литературе отмечается, что ее отдельные элементы имели свойство трансформироваться и меняться с течением долгого исторического времени, а также культурной диффузии и включения инноваций вследствие длительных межэтнических контактов, что придает оригинальные и неповторимые черты традиционной культуре современных коренных народов Якутии [История Якутии 2020: 361–474].

¹ 1 – тундра, 2 – тайга, 3 – тайга с примесью широколиственных пород, 4 – лесостепь на серых лесных суглинках, 5 – лесостепь на черноземе, 6 – черноземная степь, 6а – высокая черноземная степь Забайкалья, 7 – сухая степь, 8 – сухая степь холмистая, 9 – полупустыня, 10 – пустыня, 11 – пески пустынной зоны, 12 – горные ландшафты, 13 – низменности Приамурья и Приуссурийского края с лесами маньчжурского типа, 14 – Камчатка.

Адаптация к особой окружающей среде постепенно формировала восприятие и осмысление природы как дома – исходной константы существования человека, а язык является средой, в которой живет его сознание, «домом бытия» [Хайдеггер 1993: 192]. Универсальная модель «природа – дом» включает в себя обитаемое людьми и животными пространство, освоенное как утилитарно, так и духовно. Безусловно, воображение и переживание таких природных феноменов, как холод, снег, нетающий лед, сильная пурга, сияние небес, долгая зима, полярные ночи, короткое лето, белые ночи, низкое небо вдоль горизонта и др., нашли свое воплощение в самобытных чертах системы жизнеобеспечения, о чем свидетельствуют лексический фонд, метафоры, фразеологизмы, безэквивалентные слова и понятия в языке коренных народов Севера и Арктики. Вместе с тем наличие особенностей в категоризации окружающей среды, в описании ориентаций в пространстве и др. в якутском и миноритарных языках более рельефно отражает корреляции, сложившиеся в процессе человеческого освоения природы в разнообразных ландшафтах северо-востока Евразии.

Например, кардинальные различия в соотношении тепла и влаги в разных типах ландшафтов вынуждали отдельные группы людей сосуществовать в динамической напряженности со средой обитания, меняя свое местоположение в интересах основного источника существования – поисках новых пастбищ для выпаса домашних оленей или лучшей возможности для охоты на промысловых животных. Такое передвижение кочевых сообществ осуществлялось в границах определенной территории в зависимости от сезона года и в соответствии заданному маршруту. Миграции на более длительные дистанции стимулировались стратегией выживания при ограниченности ресурсов, природных катаклизмах, вспышках эпизоотий, распространении эпидемий и др. Указанные и другие факторы объясняют кросс-культурные паттерны в развитии идентичности и языка северных сообществ, каждое из которых уникально, обладает собственной экономикой, системой местных знаний, культурными практиками, опытом управления окружающей средой и является эксклюзивным продуктом собственной национальной истории.

2. Этнолингвистический ландшафт до русской колонизации и в период XVII–XVIII веков

Покорение Урала и Сибири в XVI–XVII вв. продвинуло российский фронт в северо-восточную часть Евразии – Ленский край, известный также как «Якольская земля». В 1638 г. в составе Московского царства был учрежден Якутский уезд, границы которого проходили по естественным рубежам – по водоразделу рек Енисея и Лены, побережьям Северного Ледовитого и Тихого океанов, включая Камчатский полуостров.

Первые документированные сведения об этнокультурном и лингвистическом многообразии громадного Якутского уезда дают ясачные ² книги XVII–XVIII вв., связанные с фискальной политикой русской власти. Разумеется, к этим архивным источникам нужно относиться критически: а) о степени полноты списков налогоплательщиков судить трудно, поскольку основная их цель – обложение ясаком – приводила к тому, что привлекаемые к платежу всеми способами стремились его избежать; б) сборщики ясака записывали персональные данные как могли, небрежно и наугад, очень часто в искаженной форме, из-за чего многие из самоназваний родовых и племенных групп с трудом удается опознать и связать с более поздними сведениями; во многих случаях племенная принадлежность вообще не указывалась [Материалы по истории Якутии 1970: VI]. Тем не менее ясачные книги о сборе «мягкой рухляди», подлежавшие ежегодной ревизии, остаются основным письменным источником, дающим хотя бы общее представление об этнической панораме и демографической структуре населения региона, сложившегося до начала русской колонизации.

По данным Б. О. Долгих, в XVII в. население Якутского уезда составляло примерно 79,3 тыс. чел. и состояло из двух больших групп: тюркоязычных якутов и чрезвычайно пестрого конгломерата кочующих и оседлых сообществ, говорящих на разных языках (тунгусо-маньчжурские, юкагирские, палеоазиатские языки) ³. При прочтении карты Б. О. Долгих (см. рис. 2) следует учитывать, что на ней показаны главным образом границы распространения языковых групп,

² Ясак – натуральная повинность мехами, которой облагались народы Поволжья, Сибири и Дальнего Востока.

³ Здесь и далее сведения по XVII в. приводятся по книге: [Долгих 1960: 352–578].

поскольку высокая мобильность кочевых сообществ делала картину расселения крайне изменчивой.

Ясачные якуты в основном были расселены в Центральной и Западной Якутии, но ранние их поселения имелись практически на всей территории современной республики, за исключением крайней северо-восточной части, что подтверждается новыми археологическими материалами [История Якутии 2020: 213]. Они отчетливо отличались скотоводческо-коневодческим типом хозяйства, определявшим их дисперсное расселение, а также многочисленностью и общностью этнической идентичности (самоназвание *саха*, *ураанхай саха*, *дьин саха*), языка и культуры. Приблизительно с начала и до середины XVII в. численность якутов возросла с 25,2 до 28,4 тыс. чел.

Рис. 2. Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в [Долгих 1960]

Fig. 2. Map of ethnic distribution and tribal settlements in 17th-century Siberia [Dolgikh 1960]

Из ясачных книг юагаиры известны как обитатели «дальних заморских рек»: на р. Яна жили горные яндыри и ононди (онойди), тундровые коромои; на р. Индигирка – янга, шоромба, олюбензи; на р. Алазея – алаи (алазеи); на р. Колыма – омоки, когимэ; на р. Анадырь – чуванцы (шеллаги), ходынцы, анаулы. Они занимались оленеводством, охотой на путях миграции диких оленей, рыболовством. В середине XVII в. их общая численность составляла 4775 чел., к концу XVII в. – 2665 чел.

Локальные группы ясачных тунгусов, обособленные друг от друга территориально, имели различные наименования. Обитавшие по рр. Оленек, Анабар назывались адяны, синигири; по рр. Лена, Вилюй – нимчаны (долганы), кумкогиры, калтакули, эдигяны (ижиганы), фугляды, шелгоны (сологоны), пуягиры (буягиры), нюрмаганы (мургаты, брангаты), белдеты (бырлеты), обгинцы (эбигисели); на рр. Олекма, Витим – нанагиры, киндигиры, почегоры, вакараи, вилякуры. Восточные тунгусы, расселенные по рр. Алдан, Мая, Учур, были известны как буяксиры (ламутки), лалагиры (лалкагиры, ладагиры), озяны (ождяны, очаны), ичаны (тугочеры, тюгясиры). «Морские тунгусы», жившие на побережье Охотского моря, именовались как килары, годниканы, горбиканы, макагиры (маймаканы), муеллагиры (аинкагиры), муктыгиры, гулюгиры, лелтягиры, кайтагиры, нюнюгиры, чапчигиры улбиданы, толбары, унахтагиры, шолоны, шолганы,

ачганы, негнямы, неганы, угдигиры (угдиры), угчеры, уягиры и др. Кроме того, в составе ясачных тунгусов учтены «тунгусы-ламуты» (эвены) – дельяны, кукугиры, уяганы. Одна часть тунгусского населения представляла собой типичных таежных охотников, постоянно передвигавшихся в поисках промысловых животных; другая же вела комплексное хозяйство, сочетавшее оленеводство, охоту, рыболовство и другие промыслы. Небольшие группы тунгусов-рыболовов жили оседло по бассейнам рек, богатых рыбой. В середине XVII в. их общая численность составляла 12,5 тыс. чел.

До 1773 г. чукчи и эскимосы на Чукотке, коряки вдоль берегов северной части Охотского и южной части Берингова морей, камчадалы (ительмены) на полуострове Камчатка и айны на Курильских островах (Шумушир, Парамушир, Оннекотан, Шикотан, Итуруп, Кунашир) также находились в ведении Якутского уезда. В конце XVII в. эскимосы-охотники на морского зверя состояли из четырех племен: уэлены, пээки, айваны, вутээнцы – приблизительно 4 тыс. чел.; численность чукчей-олeneводоов и охотников на дикого оленя составляла около 2 тыс. чел.; пеших и оленных коряков – 10,7 тыс. чел.; камчадалов – 12,6 тыс. чел.; айнов – 3,5 тыс. чел.

Ясачная документация XVII в. также содержит информацию о функционировании языков, ранних языковых контактах и этнокультурных процессах, происходивших до появления русских в регионе. Например, при всем многообразии языков отмечена широкая распространенность «якуцкого» языка и довольно высокая степень аккультурации тунгусского населения. Мемельские тунгусы, нюрмаганы-гурменцы в Центральной Якутии и многочисленные группы тунгусов в Западной Якутии имели якутские имена, были двуязычны или перешли на якутский язык. Якутским языком владели и юкагиры, о чем свидетельствует доклад Ивана Ерастова, который в 1639 г. сообщил о разгроме янских юкагиров и пленении одного из них, говорившего по-якутски и согласившегося провести отряд казаков через горы на р. Индигирку к своим неясачным сородичам [Открытия русских 1951: 130–131].

Следует отметить, что якутов с соседними народами связывали разнообразные отношения, прежде всего регулярные торговые обмены на «торжищах»⁴. Так, юкагиры покупали соболей у жиганских якутов «на оленишка и борошнишко», вилюйские тунгусы продавали меха за «быков, коров, кобыл, молоко, кумыз» и т. д. Постепенно широкое распространение получили межэтнические браки. Кроме того, в периоды бескормицы обычной практикой для тунгусов становилось проживание рядом с якутами, всегда имевшими запасы продовольствия. Так, в 1648 г. воеводы В. Н. Пушкин и К. О. Супонев сообщили, что в Якутске ими были допрошены олекминские нанагиры, пришедшие к Нике Мамыкову «в гости и для голоду кормитца».

Напротив, на р. Алдан в Южной Якутии в результате длительных этнических процессов две малочисленные группы, относительно предков которых можно предполагать монголоязычие, были поглощены тунгусами. Это дауры (братья) из Пегой орды и якуты-хоринцы. Таким образом, под названием «тунгусы-тугочеры» (позднее – тюгясиры) оказались объединенными ичаны, озяны, бутальские (тунгусы и якуты) и дауры.

Также в ясачных документах зафиксировано наличие разных диалектов юкагирского и тунгусо-маньчжурского языков; особо отмечено отличие языка тунгусов Охотского побережья от языка других тунгусских групп. В этой связи в литературе отмечается, что активное использование якутского языка как языка массового общения может быть связано с диалектными различиями тунгусов и территориально смежных групп [История Якутии 2021: 44].

В течение XVIII в. произошли следующие изменения административных границ: в 1708 г. район Чечуи в верховьях р. Лены был присоединен к Илимскому уезду; в 1731 г. обширная полоса побережья Охотского и Берингова морей, Удский край, Камчатка и Курильские острова переданы Охотскому правлению; в 1773 г. Удский край был возвращен в состав Якутского уезда; в 1775 г. земли возле Витима и Пеледуя отошли в состав Киренского уезда.

Точных статистических данных о динамике численности и этноструктуры населения Якутии нет, так как ясачное население Сибири, как часть податного населения России, стало учитываться только с III-й ревизии. По материалам «ревизских скасок» можно установить, что ориентировочно численность якутов составляла в 1763 г. – 69,2 тыс. чел., в 1782 г. – 86 тыс. чел., в 1795 г. – 100 тыс. чел. Быстрый рост якутского населения, кроме естественного прироста, связан еще

⁴ От якут. *торбо* ‘ткань’. *Торжищами* назывались условленные места для торговли между якутами и коренными народами Якутии.

с активной стратегией аккультурации тунгусских групп, главным образом, с их стремлением слиться с самым многочисленным народом региона.

Этому способствовали диверсификация традиционного хозяйства, переход на полукочевой (скотоводство, охота) и оседлый (скотоводство, рыболовство) образ жизни. Первая ясачная комиссия в 1768 г. зафиксировала «тунгусское обзаведение скотом» до такой степени, что сочла возможным принимать от них в ясак скот и лошадей. Распространенность двуязычия давала им возможность смены этнической самоидентификации исходя из своих экономических интересов. Известно, что ясачный оклад кочевого населения был в 1,5–2 раза выше, чем у оседлых якутов.

По данным Первой ясачной комиссии, общая численность юкагиров составила около 1,2 тыс. чел., тунгусов – до 4,5 тыс. чел., ламутов – 1–1,2 тыс. чел. [История Якутии 2021: 43–45]. Значительная депопуляция малочисленных сообществ Севера связана с опустошительными эпидемиями «морového поветрия»⁵ в 1651–1653, 1657–1660, 1667–1669, 1691–1695 гг., распространившимися с приходом русских. Применительно к юкагирам нужно еще сказать, что сокращение их численности связано с юкагирско-чукотскими войнами, а также с участием в военных походах русских казаков против чукчей в 1731 г. и 1746 г., закончившихся тяжелым поражением.

Бегство от оспы вызвало массовые перемещения как внутри, так и за пределы границ Якутии, продолжавшиеся в течение всего XVIII в.; миграции стимулировались также стремлением освободиться от принудительного ясачного обложения с жестокой системой аманатов⁶. По свидетельству Н. Г. Спафария, руководителя Русского посольства в Китай (1675–1678), в Цинской империи они нашли около 20 ясачных якутов, которые зовут себя тунгусами, а другие народы страны называют их якутами, то есть это могли быть собственно тунгусы либо «объякутившиеся» тунгусы или «отунгушенные якуты», одновременно говорившие на тунгусском и якутском языках. В современных китайских переписях их потомков учитывают как Yākùtè – Tōnggǔsī (Yākùtè Èwēnkè) [Идентичность 2022: 22].

Продвижению большого числа тунгусов на юг способствовало и заключение Нерчинского договора в 1689 г. между Россией и Китаем, после которого русские были вынуждены покинуть Приамурье. На обширные территории по р. Амур, где имелись условия для содержания оленей, с севера, запада и востока началось активное проникновение различных тунгусоязычных групп. Уменьшение численности ясачных тунгусов Якутии отражено в налоговой документации, в которой указывается главная причина – откочевка «в Дауры», в сторону границы с Китаем [Романов 1956: 29–30]. Миграции за пределы Якутии происходили и в других направлениях. Так, в конце XVIII в. не менее 120 жиганских тунгусов переселились в Туруханский округ [Гурвич 1966: 90].

В многовекторные миграции были вовлечены и другие группы, в частности, в течение всего XVIII в. в Якутию стали мигрировать тунгусы-ламуы (эвены) с побережья Охотского моря, которые в основном устремлялись в ее северо-восточную часть. К концу века они жили в бассейне Индигирки, по рр. Алазея, Колыма, в районе Верхоянья, на юге – по р. Алдан. С переселениями в середине XVIII в. большой группы тунгусов рода Долган в низовья рек Хета и Хатанга через Оленек, во второй половине – тунгусов рода Каранто и Эдян из Жиганска начинается этногенез якутоязычного долганского народа на Таймыре [Гурвич 1982: 192–193].

3. Русское население и языковые процессы в XVII–XVIII вв.

В XVII–XVIII вв. русское население Якутии состояло из служилых – представителей административной, военной и духовной власти, торгово-промышленных людей⁷ и ссыльных крестьян. Русские жили в поселениях типа острогов, острожков и ясачных зимовий⁸, как можно более близко к местному населению. В XVII в. были основаны Ленский острог (1632), Олекминский

⁵ Острозаразное инфекционное заболевание, вызываемое вирусом натуральной оспы.

⁶ Якут. *аманаат* – заложник, подвергавшийся смертной казни за неуплату ясака его родовичами или племенем.

⁷ *Торговые люди* – купцы, производившие продажу и обмен различных товаров на ценную пушнину. *Промышленные люди* – охотники на соболя, лисицу, песца, горностаю, белку и других пушных зверей.

⁸ *Острог* – опорный пункт, окруженный высоким частоколом из бревен с заостренным верхом, сторожевыми башнями по углам, бойницами в стенах и с укрепленными воротами. *Острожек* – то же, что и *острог*, но меньшего размера. *Ясачное зимовье* – небольшое поселение, где жили ясачные сборщики.

и Чечуйский острожки, 22 ясачных зимовья [Энциклопедия Якутии 2000: 134]. По материалам III-й и V-й ревизий, численность русских составляла в 1763 г. – 3272 чел., в 1795 г. – 4177 чел. [Кабузан 1996: 280, 285]. Большинство из них были крестьянами, сосланными на «пашню»: в XVII в. их было около 600 чел., проживающих в пяти деревнях, в XVIII в. – 2400 чел. в 39-ти деревнях по берегам Средней Лены и 10 поселениях по побережью Ледовитого океана [Энциклопедия Якутии 2000: 185–186]. Городское русское население проживало в Якутске, выросшем из Ленского острога, а также в уездных городах Вилюйск (1634), Олекминск (1635), Верхоянск (1638) и Среднеколымск (1644).

Русские крестьяне (амгинские, вилюйские, нюрбинские, сунтарские, олекминские, приленские), занимавшиеся скотоводством и хлебопашеством, а также почтовой гоньбой и извозным промыслом, со временем ассимилировались и перешли на якутский язык. Метисное население – *бааһынай* (рус. ‘пашенный’) можно сравнить с нацией метисов канадского Запада, известных как *sang-mêlés* ‘смешанная кровь’, *halfbreed* ‘полукровка’ или на языке индейцев кри *Otipemisiwak* ‘сами себе хозяева’ [Башкиров 2012: 169]. Лингвисты отмечают, что в мировой истории не так много случаев замены индоевропейского языка неиндоевропейским, в качестве исключительных примеров можно привести лишь несколько тюркских языков, в том числе якутский, а также венгерский и, возможно, финский [Певнов 2020: 275].

Другая ситуация сложилась на русских форпостах в северо-восточной части Якутии, где также сформировалось смешанное метисное население, представленное сегодня малочисленными общинами с собственной локальной идентичностью – «русскоустыинцами» и «походчанами». Это потомки русских и коренных народов Севера, которым при частичной аккультурации удалось сохранить в значительной мере русский язык XVII–XVIII вв. Это объясняется развитием метисного сообщества в условиях фронта, постоянным притоком военных для покорения и административного подчинения чукотских племен. По «Уставу об управлении инородцев» (1822) чукчи входили в особый разряд народов, «не вполне покоренных» и не считавшихся однозначно российскими подданными, которые «платят ясак, количеством и качеством какой сами пожелают» [Зуев 2002: 24]. В 1879 г. Якутской Епархией была учреждена Чукотская миссия, которая должна была вести проповедническую работу с целью не только крестить чукчей, но и склонить их к принятию русского подданства.

Ф. П. Врангель, руководитель академической экспедиции (1820–1824), описал процесс проникновения русского языка на Колыму и Индигирку, который в начале XIX в. «постепенно получал преимущество и делался общим» [Врангель 1948: 229]. Записки миссионера А. Аргентова показывают изменения в языковой ситуации к середине века: «И помню, с каким наслаждением услышал я в Нижнеколымске столь близкие душе и сердцу родные звуки отечественного языка, который долго, долго потом оставался для меня как бы мертвым. По тракту от Якутска до Колымы господствующее племя Якуты, и русский говор не в ходу, но тем приятнее, что в Нижнеколымске уже и самые Якуты, а с ними и Юкагиры, позабывши собственный свой язык, изъясняются по-русски» [Аргентов 1857а: 5].

Более детализированная характеристика данного речевого сообщества предстает из статистических данных: в 1855 г. в Нижнеколымске проживало всего 1910 чел., в том числе 678 русских, 504 юкагира, 337 тунгусов, 242 чуванца и ходынца, 114 якутов, 35 коряков. Из них наименее подверженными языковой ассимиляции оказались две группы: а) оленные тунгусы, которые кочевали «по тундре между рр. Колыма и Алазея и по западной стороне Алазеи» и говорили на «тунгусском языке»; б) коряки, местожителство которых было неизвестно, продолжали говорить на «коряцком языке». Частью кочевые, частью оседлые чуванцы и ходынцы, живущие по рр. Анадырь, Малый Анюй и на Чауне, разговаривали как на «коряцком», так и на русском языках. На родном юкагирском языке говорили только 106 чел. (21 % от всех юкагиров), которые «бродят по тундре от р. Колыма к западу»; 65 юкагиров, расселенные по р. Омолон, разговаривали на «ламутском» и русском языках [Аргентов 1857б: 20–21].

Несмотря на заметное доминирование русского языка и языковой сдвиг у большинства юкагиров и всех нижнеколымских якутов, обнаруживается значимая вариативность в знании и использовании родного национального и русского языков. Интересными представляются факторы сдвига, включая расселение, так как на русский язык полностью перешла оседлая часть юкагиров, проживающая по рр. Малый и Большой Анюй, Анадырь, около устья р. Омолон и на Чауне, равно как и якуты, сосредоточенные по р. Большой Анюй. Условно, если принять указанный

район как центр активных языковых контактов, то с движением в сторону от него начинаются вариации в отношении к русскому языку – 16,1 % билингов (307 чел.) и 25 % монолингов (478 чел.), которые в совокупности составляют 41,1 % населения. Соответственно, презентация А. Аргентовым нижнеколымского региона как мощного бастиона русского языка в Якутии выглядит несколько гиперболизированной.

Существует аутентичное описание языковой ситуации в Якутской области в середине XIX в., составленное протоиереем Д. Хитровым: «...разные племена инородцев... и между ними в незначительном количестве русские... имеют свои собственные языки, но якутский язык есть преобладающий и общий для всех. Им говорят и тунгус, и ламут, и юкагир, и даже русский, последний всегда свободнее, чем на родном своем языке. Вы услышите якутский язык и на притоках Амура (по рекам Бурее, Зее и др.), и по всему берегу Ледовитого океана от Колымы до Хатанги и далее, почти до устья Енисея» [Хитров 1858: 5].

4. Этнолингвистическая ситуация в XIX в. и перепись 1897 г.

В XIX в. произошел новый передел административно-территориальных границ: в 1849 г. Охотский край был возвращен Якутской области, но уже в 1857 г. передан в ведение Приморской области; в 1898 г. район Бодайбинских золотых приисков вошел в состав Иркутской губернии. В результате этих преобразований к концу XIX в. Якутская область занимала территорию в 3489689 верст, где, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., проживали 269,9 тыс. чел.

Этнический состав населения учитывался с помощью вопроса о родном языке опрашиваемого человека, и таким образом по Якутской области было установлено функционирование 46 языков и наречий. К языкам были отнесены: русский (великоросский, малоросский, белорусский), славянские (польский, чешский), германские (немецкий, норвежский, шведский, английский, еврейский), романские (румынский, молдавский, французский), индоевропейские (греческий, армянский, персидский, осетинский, цыганский), языки культурных народов Крайнего Востока (корейский), прочие языки (айсорский / сиро-халдейский). Были выделены следующие наречия: литовско-латышские, кавказские (грузинское), финские (финское, вотяцкое, карельское, эстонское, зырянское, мордовско-черемисское), турецко-татарские (татарское, башкирское, турецкое, чувашское, туркменское, киргиз-кайсацкое, узбекское, тарачинское, якутское), монголо-бурятские (кальмыцкое, бурятское, монгольское), кавказских горцев (черкесское), северных племен (тунгузское, чукотское, юкагирское, енисейско-остяцкое).

Такое лингвистическое разнообразие формировалось преимущественно за счет ссыльнопоселенцев из других губерний Российской империи, составлявших в целом всего 1,4 % населения Якутии. Политические, административные и уголовные ссыльные, члены религиозных сект (старобрядцы, духоборы, скопцы) и их близкие родственники составляли 47 % пришлого населения. Среди первой категории ссыльных наиболее многочисленными были евреи (729 чел.), поляки (427 чел.), украинцы (320 чел.), занимавшие особое место в национально-освободительном движении народов России; среди других категорий – татары (1564 чел.), башкиры (227 чел.), осетины (510 чел.), кавказские горцы (96 чел.). Кроме ссылки, другим источником формирования пришлого населения была трудовая миграция на золотопромышленные прииски Олекминского округа. Кроме того, в Якутской области проживали 38 подданных иностранных государств.

Перекрестный анализ данных переписи по родному языку и конфессиональной принадлежности показывает постепенную эрозию культурной и языковой идентичности пришлого населения. Например, несмотря на довольно компактное проживание (60,2 % евреев жили в г. Якутске и его окрестностях), сплоченность общины, наличие синагоги, «дома вечности» (иудейское кладбище), 13,3 % евреев считали родным языком русский. В общем составе опрошенных с родным русским языком также присутствуют 74 лютеранина (немцы, финны, эстонцы, латыши), 47 магометан (татары, башкиры, кавказские горцы и др.), 23 римско-католиков (поляки, литовцы), 10 караимов, 3 армяно-католиков, 1 приверженец нехристианской религии. Кроме того, отмечен дрейф религиозной идентичности носителей турецко-татарских наречий, 29,6 % из которых из магометанства перешли в православие. Хотя масштабы русификации в целом небольшие, но тренды утраты основных признаков этничности уже обозначены, особенно для малочисленных этнических групп.

По данным переписи 1897 г., численность «великороссов» (русские) Якутской области составляла 30,2 тыс. чел. (11,2 %). В состав «инородческого»⁹ населения входили: якуты – 221,4 тыс. чел. (82,1 %); тунгусы (эвенки) и ламуты (эвены), которые были показаны вместе как «тунгузы» – 11,6 тыс. чел.; «чукоты» (чукчи) – 1,5 тыс. чел., юкагиры – 0,9 тыс. чел. Совокупный удельный вес коренных народов Севера в общем составе населения составлял 5,3 %. Среди городского населения области были представлены 3795 якутов и 37 тунгузов.

Перепись 1897 г. показала неустойчивость численности «инородцев», вызванную переплетением климатических и социально-экономических факторов. Вследствие разрушительных наводнений на Колыме и ее притоках произошло резкое сокращение миграций диких зверей; исчезновение лосей и рыбы в 1810–1820-х и 1850–1854 гг. [Борисов, Шадрин 2012: 7–15]. Смертность от систематического голода и недоедания усугублялась неоднократными вспышками инфекционных заболеваний, что при отсутствии медицинского обслуживания провоцировала процесс физического вымирания коренных народов Севера. Так, эпидемия натуральной оспы в Колымском округе Якутской области и на Чукотке в 1889 г. имела катастрофические последствия: умерла четвертая часть живших здесь чукчей, тунгусов, ламутов и якутов; от племени юкагиров осталось несколько сот человек; к 1891 г. от племени чуванцев остался лишь один человек [Игнатьева 1994: 22]. Понятно, что с сокращением численности носителей родных национальных языков особенно сильно слабела демографическая мощь миноритарных языков народов Севера.

Материалы переписи 1897 г. показывают продолжающийся процесс языковой ассимиляции: около половины всех тунгусов (40,9 %) в качестве родного языка назвали якутский язык, а больше половины алдано-майских тунгусов (45,8 %) были уже полностью объякутившимися. Последних насчитывалось 3,2 тыс. чел., из которых 1,2 тыс. чел. были метисами. Формально большая часть их часть считалась «бродячими инородцами»¹⁰, то есть тунгусами, но их язык, формы хозяйства и быта имели «якутский характер» [Майнов 1898: 142].

К метисному населению также относятся потомки юкагирских женщин, захваченных в ясырки¹¹ или проданных русским служилым и промышленным людям в жены. По подсчетам Б. О. Долгих, к концу XVII в. вне юкагирских племен и родов находилось не менее 10 % всех юкагинок фертильного возраста [Долгих 1960: 440]. Также метисными считаются потомки браков майских тунгусов-скотоводов с русскими переселенцами из Иркутской губернии и Забайкальской области, занятыми почтовой гоньбой по Аянскому тракту, связывавшему Якутию с побережьем Охотского моря в 1840–1860-х гг. [Сафронов 1978: 137]. Усть-майские тунгусы приобщились к русской земледельческой культуре, разговаривали на якутском, частично на русском языке, сохраняя при этом свою этническую идентичность [Атласов 1992: 49–50].

Итак, на протяжении XVII–XIX вв. численность, этничность и язык коренных народов Севера постоянно изменялись под влиянием численно доминирующего народа региона – якутов, а затем и русских. Разумеется, темпы аккультурации, полной / частичной ассимиляции отдельных народов были разными и зависели от характера расселения, степени территориальной близости, длительности этнических контактов и культурного притяжения к ассимилирующим народам. Сильное этническое смешение повсеместно манифестировалось межнациональными браками, что имело следствием формирование метисного населения с родным якутским или русским языком.

5. Якутский язык как *lingua franca* Северной Евразии

К важным условиям трансформации языкового ландшафта Якутии относятся внешние экстралингвистические факторы. Так, развитию якутского языка до уровня *lingua franca*, используемого для коммуникации на огромном многоэтничном пространстве от Туруханска до Сахалина, способствовали главным образом такие экстралингвистические условия, как ясачная политика, христианизация инородцев, экстерриториальный статус самой идиомы.

Установление ясачного режима, ежегодный сбор налогов и недоимок требовали от русских служилых людей обязательного знания местных языков. Непосредственно в пунктах сбора ясака

⁹ В рамках колониальной доктрины России коренные народы Якутии официально номинировались в XVII в. как «иноземцы», в XVIII в. как «иноверцы», в XIX в. как «инородцы».

¹⁰ В соответствии с «Уставом об управлении инородцев» (1822) якуты причислялись к разряду «кочевых инородцев», коренные народы Севера – к разряду «бродячих инородцев».

¹¹ *Ясырь* – пленники, захваченные в ходе военных конфликтов, набегов или карательных экспедиций.

они обнаружили, что различные по своему языку группы населения в какой-то мере понимают или владеют якутским языком. Это обстоятельство побудило их изучить этот язык и активно его использовать, что *de facto* придало ему статус официального / делового языка не только в Якутии, но и за ее пределами. В частности, есть свидетельство А. Ф. Миддендорфа о том, что сборщики ясака в Амурском крае предпочитают изъясняться с тунгусами и негидальцами только на якутском языке [Миддендорф 1878: 732]. Вслед за тем он сообщает о встрече на р. Уда с тунгусами, которые никогда не видели якутов, но при этом они свободно разговаривают на якутском языке [Миддендорф 1878: 768].

Другим каналом распространения якутского языка стала политика христианизации «иноверцев» Якутии, возможности реализации которой можно рассмотреть по аналогии с языковым поведением ясачных сборщиков. Как известно, обращение в православную веру осуществлялось в рамках государственной политики по «обрусению» нерусских народов России. Однако используемые методы поощрения (налоговые льготы, подарки, алкогольное угощение) и насилия (перевод с личных «языческих» имен на христианскую антропонимическую систему, преследование духовных лидеров-шаманов) оказались не столь результативными, как предполагалось. К тому же священники не владели языками народов Севера, а последние не знали русского языка, что не способствовало установлению доверительной коммуникации. В этой связи были предприняты другие меры: в 1812 г. издается первая религиозная книга на якутском языке «Молитвы. Символы Веры и Заповеди Божьи», в 1819 г. – «Сокращенный катехизис». В 1853 г. в г. Якутске создается Комитет по переводу священных и богослужебных книг на якутский язык; были переведены все 27 книг Нового Завета, а также Бытие и Псалтырь из Ветхого Завета. В целом о языковом ландшафте христианизации основоположник юкагирской литературы Н. И. Спиридонов (Тэки Одулок) сообщает следующее: «До Октябрьской революции запрещалось употребление юкагирского языка в присутственных местах, вследствие чего юкагирам приходилось прибегать к услугам переводчиков... Церковь в свою очередь стремилась к замене юкагирского языка якутским, на котором велось богослужение» [Большая советская 1931: 166–167].

Третьим, самым действенным каналом расширения лингвистического ареала якутского языка был его экстерриториальный статус. По данным переписи 1897 г., якуты проживали компактными группами за пределами Якутии: в Иркутской области – 2734 чел., в Енисейской – 2181 чел., в Приморской – 517 чел., в Амурской – 356 чел., в Забайкальской – 113 чел., на острове Сахалин – 15 чел., в Томской области – 1 чел., всего – 5917 чел. В литературе отмечается, что регулярные миграции якутов в XVII–XIX вв. стимулировались стратегией выживания (ограниченность ресурсов, соперничество / конкуренция между группами, эпидемии оспы, бегство от уплаты ясака и др.), что привело к формированию их постоянных поселений, а также разветвленной торговой сети якутских купцов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Как правило, торги происходили в условленных местах, называемых *сугулаанами* (якут. уст. *сугулаан* ‘место сборов, собраний’). Эти центры торговли впоследствии превратились в ежегодные ярмарки, например, только в одном Приамурском крае широко популярными были семь якутских ярмарок: Учурская, на р. Умальта, Инканская, Ниманская, Буруканская, Сулукская, на р. Большая Бира [История Якутии 2020: 463].

Показательно, что эти ярмарки были одним из главных средств связи русских с кочевыми народами Сибири, прежде всего в фискальных интересах. Сохранился отчет А. Павловского, командированного весной 1857 г. на Учурскую ярмарку «за сбором ясака с тунгусов тамошнего края». Из отчета видно, что ярмарка существует официально около 80 лет (с 1777 г.) на месте, где «Якуты и Тунгусы уже с давних пор и прежде того собирались для размена своих произведений; а кроме того ... здесь существовали три ярмарки. Впоследствии, с усилением Учурской ярмарки, две последние сами собою уничтожились» [Павловский 1863: 15–16].

Приведенные примеры показывают якутский язык как язык с максимальной функциональной нагрузкой в большинстве сфер общения: в официальной (язык налоговой службы, господствующей религии), публичной (язык межэтнической коммуникации), деловой (торговый язык рынков) и приватной (родной язык в смешанных семьях), что в целом позволило сравнить его роль в Северной Евразии с французским языком в Европе и арабским в Африке [Личков 1904: 634].

6. Языковые процессы в советский и постсоветский периоды

XX столетие ознаменовалось образованием 27 апреля 1922 г. государственности Якутии в виде Автономной Советской Социалистической Республики. В ее состав были включены Хатанго-Анабарский район Енисейской губернии, Олекминско-Сунтарская волость Иркутской губернии, Охотский уезд Камчатской области, все острова Северного Ледовитого океана между 84° и 140° восточной долготы. В 1923 г. Охотский уезд вновь отошел к Камчатской губернии; в 1930 г. бассейн р. Хатанга, включенный в Таймырский (Долгано-Ненецкий) округ, Тупиковский туземный и Катанский (Эвенкийский) районы вошли в состав Восточно-Сибирского края; Охотский (Эвенский) округ, Зейско-Учурский (Эвенский) и Желтулакский (Эвенкийский) районы – в состав Дальневосточного края; Восточная тундра по правому берегу р. Алазея, Западная тундра, районы среднего и нижнего течения р. Омолон – в состав Чукотского национального округа; в 1931 г. район Западной тундры (современный Нижнеколымский улус) был передан обратно в Якутскую АССР. В результате советского районирования в 1920–1930-х гг. появился феномен «разделенных народов» Севера, расселенных по разную сторону административно-территориальных границ, установленных в РСФСР.

«Сами же тунгусы недоумевали по поводу разделения их традиционной территории проживания между тремя регионами... Кочевые тунгусы переходили со своими стадами с места на место, нисколько не считаясь с административными границами. Естественной преградой для кочевков являлись не Становой хребет, не реки и ручьи, а места, где отсутствовал олений ягель. Поэтому они искали только богатые мхом пастбища, и маршруты их движений совершенно не соответствовали пограничным делениям. Аянские и нельканские тунгусы перекочевывали по обе стороны хр. Джугджур, а охотские и оймьконские – по обеим сторонам Станового хребта. Олени отказывались уходить из тех мест, где они выросли, и сами определяли пределы перехода своего табуна...» [Антонов, Антонова 2019: 115].

Далее последовали советизация, массовая коллективизация и «поселкование»¹², имевшие целью внедрить надэтническую идентичность советского человека.

Таблица 1

Table 1

Динамика численности народов Якутии по данным переписей населения СССР и РФ¹³

Population dynamics in Yakutia according to USSR and RF census data

Народы	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
Эвенки	13145	10432	9505	9007	11584	14428	18232	21008	24334
Эвены	1095	3133	3537	6471	5763	8668	11657	15071	13233
Долганы ¹⁴	–	–	–	10	64	408	1272	1906	2147
Юкагиры	396	–	285	400	526	697	1097	1281	1510
Чукчи	1281	400	325	387	377	473	602	670	709
Якуты	235926	233173	226053	285749	313917	365236	432290	466492	469348
Русские	30156	146741	215328	314308	429588	550263	390671	353649	276986

Небольшое увеличение численности коренных народов Севера в 1926 г., а затем ее спад к 1939 г. иллюстрирует указанные выше территориальные переделы (см. табл. 1). Кроме того, это демографическая реплика на советскую модернизацию: убыль населения длилась в течение

¹² Кампания массового переселения людей в специально организованные стационарные поселения, а также создание колхозов и ломка системы кочевого образа жизни.

¹³ Источники: [Всесоюзная перепись 1928: 169–171; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 966–1001; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3000. Л. 120–143; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5367. Л. 1–71; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 7134. Л. 205–228; Итоги Всесоюзной 1990: 6–7; Итоги ВПН 2002 г. Т. 5: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/39641>; Итоги ВПН 2010 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/39644>; Итоги ВПН 2020 г. Т. 5: Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/179476>.

¹⁴ По программе Всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1959 гг. долганы учитывались в числе «прочих северных народностей» или в числе родственных им по языку якутов. В национальные группы, подлежащие выделению при разработке материалов переписи, включены в 1970 г.

1920–1930-х гг. (гражданская война, силовое подавление «тунгусского восстания» (1924–1925), «мятежа конфедералистов» (1927–1928), Булунского вооруженного протеста (1929–1930), массовые репрессии (1937–1939). Другой демографический провал образовался в результате прямых военных потерь в Великой Отечественной войне, высокой смертности вследствие массового голода и болезней в тылу (1941–1945) и «эха войны» в виде спада рождаемости. Только к середине 1960-х гг. понесенные потери были восполнены и достигнут уровень переписи 1926 г. Период 1960–1980-х гг. характеризуются медленным, но стабильным приростом численности. Обращает на себя внимание скачкообразный рост численности эвенов до 1970 г.¹⁵, меняющийся далее на общий для всех северян последовательный рост, продолжающийся по настоящее время, опять за исключением эвенов.

С распадом СССР произошло кардинальное изменение демографического веса двух наиболее многочисленных народов Республики Саха: доля русских в составе населения уменьшилась с 50,3 % в 1989 г. до 27,8 % в 2020 г., а доля якутов (саха) выросла с 33,4 до 47,1 %. Эти перемены вызваны двумя факторами – возвратной миграцией русских и естественным приростом якутов. Рост численности и удельного веса коренных малочисленных народов Севера в составе населения Якутии складывается за счет естественного прироста, небольшого, но положительного сальдо миграции, частично – благодаря восстановлению этнической идентичности.

Таблица 2
Table 2

Этнический язык как родной, в %¹⁶
Ethnic language as mother tongue, %

Народы	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
Эвенки	55,7	37,2 ¹⁷	21,0	15,3	11,2	8,5	7,6	6,4	8,3
Эвены	94,4		67,6	41,7	44,1	34,7	28,1	20,5	28,5
Долганы	–		–	–	–	96,1	3,2	2,7	13,7
Юкагиры	88,9		69,1	51,8	39,7	35,2	28,2	23,9	20,7
Чукчи	99,6		90,8	–	71,1	63,2	–	42,8	35,4
Якуты	99,8	99,8	98,2	97,1	96,4	95,1	94,3	86,0	94,2
Русские	90,3	98,0	99,3	99,7	99,7	99,7	99,7	99,9	97,9

Программы первых двух советских переписей придерживались разных признаков родного языка как важного индикатора идентичности (см. табл. 2): «разговорный язык опрашиваемого» (1926), «язык, которым опрашиваемый лучше всего владеет» и/или «язык, которым обычно пользуются в семье» (1939). Поэтому сравнивать статистические совокупности этих переписей не вполне корректно, к тому же в итоговых таблицах переписи 1939 г. нет данных по отдельным национальностям.

Тем не менее данные указанных и других переписей населения приблизительно проецируют этноязыковые процессы, происходившие в течение многих столетий. Если до XIX в. для большинства народов Севера было характерно национально-якутское двуязычие, сопровождавшееся переходом на якутский язык, то начиная примерно с 1960-х гг. – национально-якутско-русское трехязычие с языковым сдвигом в пользу как русского, так и якутского языков у эвенов, эвенов и юкагиров; в пользу русского языка у чукчей (см. табл. 3).

¹⁵ Возможно, такая нестабильность связана с ошибками переписчиков, когда часть эвенов могла быть отнесена к эвенкам и наоборот.

¹⁶ Здесь и в табл. 3 рассчитано по: [Игнатьева 1994: 35–36; Всеобщая перепись 1999: 76; Итоги Всесоюзной... 1963: 334; Итоги Всесоюзной... 1973: 150–151; Итоги Всесоюзной... 1990: 20–22; Итоги ВПН 2002 г. Т. 5: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/39641>; Итоги ВПН 2010 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/39644>; Итоги ВПН 2020 г. Т. 5: Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/179476>.

¹⁷ В итоговых материалах Всесоюзной переписи 1939 г. показаны вместе как «народности Севера».

Таблица 3
Table 3Русский и якутский как родные языки, в %¹⁸
Russian and Yakut as mother tongues, %

Народы	1939		1959		1970		1989		2010		2020	
	Р	Я	Р	Я	Р	Я	Р	Я	Р	Я	Р	Я
Эвенки	0,5	62,1	2,1	80,7	3,6	81,3	8,9	82,5	12,0	80,9	12,3	71,8
Эвены			0,5	30,8	4,3	53,8	10,7	54,3	13,3	65,3	10,7	59,8
Долганы			–	–	–	–	3,9	–	3,1	94,0	4,1	82,1
Юкагиры			–	–	29,3	15,0	33,4	28,1	43,9	31,2	35,2	33,3
Чукчи			–	–	–	–	28,5	7,4	49,7	6,5	34,5	12,2
Якуты	0,3	–	1,8	–	2,9	–	4,9	–	5,8	–	5,0	–
Русские	–	1,9	–	0,7	–	0,3	–	0,2	–	0,4	–	0,4

Интересными представляются материалы переписей, иллюстрирующие сохранение традиции многоязычия, характеризующие как лингвистическое разнообразие Якутии, так и языковое поведение ее метисного населения. В частности, итоги переписи 1939 г. показывают, что якутский язык был родным не только для русских и коренных малочисленных народов Севера, но также для 100 корейцев, 24 китайцев, 19 татар, 3 украинцев, 12 чел. из группы «прочие национальности». Кроме того, «прочие языки» (кроме родного, якутского и русского) были родными для 142 русских, 30 народностей Севера и 22 якутов; по переписи 1959 г., «другие языки» были родными для 40 эвенков, 37 эвенов, 37 якутов и 21 русских. По переписи 1970 г., якутский язык как родной признавали 59 татар, 22 бурята, 18 украинцев, 10 белорусов, 3 мордвин и 170 представителей других национальностей.

На наличие амбивалентной идентичности и двух родных языков косвенно указывают данные переписей о свободном владении вторым языком народов СССР. Так, в 1970 г. якутским языком как вторым языком владели 7271 (2,3 %) русских, 2329 (0,8 %) якутов, 1394 (21,5 %) эвенов, 390 (4,3 %) эвенков, 144 (36 %) юкагиров, 105 (1,4 %) татар, 34 украинца, 22 бурята, 6 белорусов, 6 мордвин и 195 (1,7 %) представителей других национальностей. Кроме якутского, другими языками владели 3037 (1 %) русских, 134 якута, 42 украинца, 31 эвен, 22 белоруса, 19 юкагиров, 17 татар, 1 эвенк, 1 бурят, 1 мордвин и 250 чел. других национальностей.

Возможно, вектор дрейфующей идентичности и родного языка определялся этническим составом экзогамных семей. В частности, по переписи населения 1970 г., в Якутской АССР были учтены 21446 межнациональных семей, в том числе русско-инонациональные – 14556, русско-якутские – 3244, якутско-инонациональные – 1461, представителей разных народов СССР – 1432, якутско-эвенкийские – 624, русско-эвенкийские – 97, эвенкийско-инонациональные – 3291. При всем многообразии смешанных браков у народов Севера, численно преобладали браки с русскими и якутами, а этническое самоопределение детей, рожденных в межнациональных браках, чаще склонялось в пользу последних.

В переписи населения 1989 г. зафиксировано свободное владение якутским как вторым языком у 7460 (1,4 %) русских и 4350 (1,2 %) якутов. Перепись 2010 г. проявила еще большую палитру многоязычия: так, 7229 (2 %) русских владели якутским языком, еще 19 чел. – эвенским, 12 чел. – эвенкийским; 200 якутов владели эвенским языком, 39 – эвенкийским, 9 – чукотским, 8 – юкагирским; 87 эвенков владели эвенским языком; 100 эвенов – владели эвенкийским языком, 29 – чукотским, 33 – юкагирским; 23 юкагира владели чукотским, 66 – эвенским; 16 чукчей владели эвенским языком, 12 – юкагирским, 69 (10,3 %) – якутским.

Перепись 2010 г. также показала интересный феномен последних десятилетий – самоопределение русских старожилов Якутии как «русскоустыинцы», «походчане», «индигирщики», «колымчане», «колымские». Отметим, что до проведения переписи они добились включения этих номинаций в качестве отдельной этнической группы в «Алфавитный перечень национальностей и языков в России», составленный Институтом этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Таким образом, наметились серьезные изменения в основах русской идентичности метисного населения Якутии, которая стала отходить на второй план. Добавим, что во время переписи 2020 г. появились еще «нуучча», «якутяне», «сахалыры», которые только подчеркивают

¹⁸ Сокращения, использованные в таблице: Р – русский язык; Я – якутский язык.

гетерогенность метисов, их укорененность на определенной земле. К сожалению, возможности отечественной этнической статистики сегодня не позволяют фиксировать двойную этническую и языковую идентичность опрашиваемых людей, которые непосредственно детерминируют современные языковые процессы.

Относительно коренных малочисленных народов севера Якутии в последний межпереписной период фиксируется изменение паттернов выбора родного языка: если в 2010 г. 72,9 % признавали родным якутский язык, то к 2020 г. этот показатель снизился до 66,1 %. При этом зеркально возросла доля выбирающих этнический язык в качестве родного – с 12,7 % до 20,3 %. Сходные процессы документированы и у якутов: лонгитюдные исследования среди саха показывают стабильность прямой этноязыковой идентичности при сокращении признания родным неэтнического языка [Иванова 2022: 92]. Эти изменения отражают более широкий тренд: сравнительный анализ данных переписей выявляет общую закономерность для всех коренных народов России – статистически значимый рост «коэффициента эмотивности», то есть признания этнического языка родным среди не владеющих им лиц, что исследователи интерпретируют как усиление символической мощности миноритарных языков в контексте актуализации этнической идентичности [Ханова и др. 2024: 62]. Увеличение символической мощности миноритарных языков вселяет осторожный оптимизм относительно перспектив языковой ревитализации.

Заключение

Исследование показало, что трансформация лингвистического ландшафта Якутии не может быть объяснена ни чисто лингвистическими факторами, ни монокаузальной схемой и не может быть описана единой моделью языкового сдвига или сохранения. Это результат длительного взаимодействия природных условий, которые определили специализированные формы хозяйства и закрепленные в них языковые практики, административных решений, которые непреднамеренно усилили позиции одного языка перед другими, демографических процессов, которые ослабили численный базис миноритарных языков, и, наконец, субъективных процессов, через которые люди переосмысливают свою принадлежность к языку и народу.

Список литературы

- Алексеев А. Н.* Ранние кочевники в Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2013. Т. 10. № 5. С. 62–69.
- Антонов Е. П., Антонова В. Н.* Разногласия Якутии, Дальнего Востока и центра по вопросу административно-территориального разграничения в контексте национальной политики // *Ab Imperio*. 2019. № 4. С. 97–139.
- Аргентов А. И.* Путевые записки священника-миссионера Андрея Аргентова в приполярной местности // Записки Сибирского отдела Русского географического общества. 1857а. Кн. IV. С. 1–59.
- Аргентов А. И.* Статистические сведения о прихожанах Спасской церкви в Нижнеколымске, относящиеся к 1855 году и составленные до народной переписи. Статистические сведения о Нижнеколымске 5–20 января 1850 г. // Записки Сибирского отдела Русского географического общества. Кн. III. 1857б. С. 19–21.
- Атласов С. В.* История развития скотоводства и коневодства в Якутии (1917–1928 гг.). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. 152 с.
- Башарин Г. П.* История земледелия в Якутии (XVII в. – 1917 г.): в 2-х тт. Т. 1. Якутск: Якут. книж. изд-во, 1989. 348 с.
- Башикиров М. Б.* Метисные сообщества запада Канады и Якутии: перспективы компаративистского подхода // Канадский ежегодник. Труды Российского Общества изучения Канады. Вып. 16 / Отв. ред. А. Н. Комаров. М.: РОИК, 2012. С. 166–178.
- Берг Л. С.* Опыт разделения Сибири и Туркестана на ландшафтные и морфологические области. М.: Типолитография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1913. 37 с.
- Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. 314 с.

Большая советская энциклопедия: в 66 томах. Т. 65 / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: Сов. энциклопедия, 1931. 455 с.

Борисов А. А., Шадрин В. И. Природные катаклизмы в Якутии: историко-этнографические свидетельства о природных аномалиях и способах адаптации народов Якутии // *Природа и культура: мат-лы межд. науч. конф.: в 2-х частях. Ч. 2* / Отв. ред. Н. С. Павлова. Якутск: СВФУ, 2012. С. 7–15.

Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. М.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 456 с.

Всесоюзная перепись населения 1926 года, Отдел 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Т. 7: Дальне-Восточный край; Якутская АССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 200 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Россия. СПб.: Блиц, 1999. 207 с.

Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М.: Наука, 1966. 269 с.

Гурвич И. С. Северные якуты и долганы // *Этническая история народов Севера* / Отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1982. С. 180–197.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 620 с.

Зуев А. С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* 2002. Т. 1. № 3. С. 14–24.

Иванова Н. И. Сущность и своеобразие языковой идентичности молодежи саха в современном социокультурном контексте // *Новые исследования Тувы.* 2022. № 4. С. 89–105.

Игнатьева В. Б. Национальный состав населения Якутии (этностатистическое исследование). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. 144 с.

Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: итоги исследования в Якутии / Отв. ред. В. Б. Игнатьева. Новосибирск: Наука, 2022. 272 с.

История Якутии: в 3-х томах. Т. I / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. Новосибирск: Наука, 2020. 536 с.

История Якутии: в 3-х томах. Т. II / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. А. А. Борисов, А. И. Макарова, А. П. Николаев. Новосибирск: Наука, 2021. 216 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 томах. Т. IV: национальный состав населения СССР. М.: Статистика, 1973. 648 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 года: национальный состав населения Якутской АССР. Якутск: ЯРУС, 1990. 106 с.

Кабузан В. М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Блиц, 1996. 352 с.

Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // *Советская этнография.* 1955. № 4. С. 3–17.

Личков Л. С. Якуты // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*: в 86 тт. Т. XLI-A / Под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1904. С. 631–634.

Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Иркутск: Типо-литография П. И. Макушина, 1898. 214 с.

Малиновский Б. Научная теория культуры / Пер. с англ. И. В. Утехина. 2-е изд., испр. М.: ОГИ, 2005. 184 с.

Материалы по истории Якутии XVII века: (документы ясачного сбора): в 3-х частях. Ч. 1. М.: Наука, 1970. LIII, 158 с.

Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении: в 2-х частях. Ч. 2, отд. 6: Коренные жители Сибири. Санкт-Петербург: Типография Академии наук, 1878. С. 619–833.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: сборник документов / Сост. Н. С. Орлова; под ред. А. В. Ефимова. М.: Географгиз, 1951. 620 с.

Павловский А. П. Поездка из Якутска на Учурскую ярмарку // Записки Сибирского отдела Русского географического общества. Кн. VI. 1863. С. 1–23.

Певнов А. М. Лингвистические свидетельства истории народов Якутии // История Якутии: в 3-х томах. Т. I / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. Новосибирск: Наука, 2020. С. 273–280.

Романов Н. С. Ясак в Якутии в XVIII в. Якутск: Якуткнигоиздат, 1956. 103 с.

Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. 257 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления: Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.

Ханова А. Ф., Большина Т. А., Драгой О. В. Коэффициент эмотивности «родной язык» в контексте измерения символической мощности миноритарных языков Российской Федерации (на материале Всероссийской переписи населения 2010 и 2020) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024. № 2 (44). С. 58–69.

Хитров Д. В. Краткая грамматика якутского языка. М.: Синодальная типография, 1858. 137 с.

Энциклопедия Якутии / Гл. ред. Ф. Г. Сафронов. М.: Московская типография № 2 Госкомпечати РФ, 2000. 540 с.

Steward J. Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana: University of Illinois Press, 1955. 244 p.

References

Alekseev A. N. Rannie kochevniky v Yakutii [Early nomads in Yakutia]. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2013, vol. 10, no. 5, pp. 62–69. (In Russian)

Antonov E. P., Antonova V. N. Raznoglasiya Yakutii, Dal'nego Vostoka i tsentra po voprosu administrativno-territorial'nogo razgranicheniya v kontekste natsional'noy politiki [Disagreements between Yakutia, the Far East and the center on administrative-territorial demarcation in the context of national policy]. *Ab Imperio*. 2019, no. 4, pp. 97–139. (In Russian)

Argentov A. I. Putevye zapiski svyashchennika-missionera Andreya Argentova v pripolyarnoy mestnosti [Travel notes of priest-missionary Andrey Argentov in the circumpolar region]. In *Zapiski Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the Siberian Department of the Russian Geographical Society]*. 1857a, bk. IV, pp. 1–59. (In Russian)

Argentov A. I. Statisticheskie svedeniya o prikhozhanakh Spasskoy tserkvi v Nizhnekolymske, otnosyashchiesya k 1855 godu i sostavlennye do narodnoy perepisi. Statisticheskie svedeniya o Nizhnekolymske 5–20 yanvarya 1850 g. [Statistical information about parishioners of the Spasskaya church in Nizhnekolymsk for 1855 compiled before the census. Statistical information about Nizhnekolymsk January 5-20, 1850]. In *Zapiski Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the Siberian Department of the Russian Geographical Society]*. 1857b, bk. III, pp. 19–21. (In Russian)

Atlasov S. V. *Istoriya razvitiya skotovodstva i konevodstva v Yakutii (1917–1928) [History of the development of cattle breeding and horse breeding in Yakutia (1917–1928)]*. Yakutsk, YaSC SB RAS, 1992, 152 p. (In Russian)

Basharin G. P. *Istoriya zemledeliya v Yakutii (17 v. – 1917 g.): v 2-kh tomakh [History of agriculture in Yakutia (17th century – 1917): in 2 vols.]*. Yakutsk, Yakut. kn. izd., 1989, vol. 1, 348 p. (In Russian)

Bashkirov M. B. Metisnyye soobshchestva zapada Kanady i Yakutii: perspektivy komparativistskogo podkhoda [Métis communities of western Canada and Yakutia: prospects for a comparative approach]. In *Kanadskiy ezhegodnik. Trudy Rossiyskogo Obshchestva izucheniya Kanady [Canadian Yearbook. Proceedings of the Russian Society for the Study of Canada]*. A. N. Komarov (Ed.). Moscow, ROIK, 2012, iss. 16, pp. 166–178. (In Russian)

Berg L. S. *Opyt razdeleniya Sibiri i Turkestana na landshaftnyye i morfologicheskiye oblasti [An attempt to divide Siberia and Turkestan into landscape and morphological regions]*. Moscow, Tipolitografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev i K^o, 1913, 37 p. (In Russian)

Bogoraz-Tan V. G. *Rasprostraneniye kul'tury na Zemle. Osnovy etnogeografii [The spread of culture on Earth. Foundations of ethnogeography]*. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1928, 314 p. (In Russian)

Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 66 tomakh [Great Soviet encyclopedia: in 66 vols.]. O. Yu. Shmidt (Ed.). Moscow, Sovetskaya entsikl., 1931, vol. 65, 455 p. (In Russian)

Borisov A. A., Shadrin V. I. Prirodnyye katakliyzmy v Yakutii: istoriko-etnograficheskiye svi-detel'stva o prirodnykh anomal'yakh i sposobakh adaptatsii narodov Yakutii [Natural cataclysms in Ya-kutia: historical-ethnographic evidence of natural anomalies and adaptation methods of Yakutia's peo-ples]. In *Priroda i kul'tura: materialy mezhd. nauch. konf.: v 2-kh chastyakh* [Nature and culture: pro-ceedings of international scientific conference: in 2 parts]. N. S. Pavlova (Ed.). Yakutsk, NEFU, 2012, pt. 2, pp. 7–15. (In Russian)

Dolgikh B. O. Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v 17 v. [Clan and tribal composition of Siberian peoples in the 17th century]. Moscow, AN SSSR, 1960, 620 p. (In Russian)

Entsiklopediya Yakutii [Encyclopedia of Yakutia]. Safronov F. G. (Ed.). Moscow, Moskovskaya tip. №2 Goskompechati RF, 2000, 540 p. (In Russian)

Gurvich I. S. *Etnicheskaya istoriya severo-vostoka Sibiri* [Ethnic history of northeastern Siberia]. Moscow, Nauka, 1966, 269 p. (In Russian)

Gurvich I. S. Severnyye yakuty i dolgany [Northern Yakuts and Dolgans]. In *Etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnic history of the peoples of the North]. I. S. Gurvich (Ed.). Moscow, Nauka, 1982, pp. 180–197. (In Russian)

Heidegger M. *Vremya i bytiye: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: articles and lectures]. V. V. Bibikhin (Transl. from German). Moscow, Respublika, 1993, 447 p. (In Russian)

Identichnost', yazyk i kul'tura molodezhi korennykh narodov Severa: itogi issledovaniya v Yakutii [Identity, language and culture of youth of indigenous peoples of the North: research results in Yakutia]. V. B. Ignat'eva (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2022, 272 p. (In Russian)

Ignat'eva V. B. *Natsional'nyy sostav naseleniya Yakutii (etnostatisticheskoye issledovaniye)* [Na-tional composition of Yakutia's population (ethno-statistical research)]. Yakutsk, YaSC SB RAS, 1994, 144 p. (In Russian)

Istoriya Yakutii: v 3-kh tomakh [History of Yakutia: in 3 vols.]. A. N. Alekseev, R. I. Bravina, Ye. N. Romanova (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 2020, vol. 1, 536 p. (In Russian)

Istoriya Yakutii: v 3-kh tomakh [History of Yakutia: in 3 vols.]. A. N. Alekseev, A. A. Borisov, A. I. Makarova, A. P. Nikolayev (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 2021, vol. 2, 216 p. (In Russian)

Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1959 goda: RSFSR [Results of the All-Union Population Cen-sus of 1959: RSFSR]. Moscow, Gosstatizdat, 1963, 456 p. (In Russian)

Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1970 goda: v 7 tomakh. T. IV: natsional'nyy sostav naseleniya SSSR [Results of the All-Union Population Census of 1970: in 7 vols. Vol. IV: national composition of the population of the USSR]. Moscow, Statistika, 1973, 648 p. (In Russian)

Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya na 12 yanvarya 1989 goda: natsional'nyy sostav naseleniya Yakutskoy ASSR [Results of the All-Union Population Census of January 12, 1989: national composition of the population of the Yakut ASSR]. Yakutsk, YaRUS, 1990, 106 p. (In Russian)

Ivanova N. I. Sushchnost' i svoeobrazie yazykovoy identichnosti molodezhi sakha v sovremennom sotsiokul'turnom kontekste [The essence and peculiarity of language identity of Sakha youth in contem-porary sociocultural context]. *The New Research of Tuva*. 2022, no. 4, pp. 89–105. (In Russian)

Kabuzan V. M. *Russkiye v mire. Dinamika chislennosti i rasseleniya (1719–1989). Formirovaniye etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda* [Russians in the world. Dynamics of numbers and settlement (1719–1989). Formation of ethnic and political boundaries of the Russian people]. St. Pe-tersburg, Blits, 1996, 352 p. (In Russian)

Khanova A. F., Bol'gina T. A., Dragoy O. V. Koeffitsiyent emotivnosti “rodnoy yazyk” v kontekste izmereniya simvolicheskoy moshchnosti minoritarnykh yazykov Rossiyskoy Federatsii (na materiale Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 i 2020) [The coefficient of emotivity “native language” in the context of measuring the symbolic power of minority languages of the Russian Federation (based on the All-Russian Population Census of 2010 and 2020)]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2024, no. 2 (44), pp. 58–69. (In Russian)

Khitrov D. V. *Kratkaya grammatika yakutskogo yazyka* [Brief grammar of the Yakut language]. Moscow, Sinodal'naya tip., 1858, 137 p. (In Russian)

Levin M. G., Cheboksarov N. N. Khozyaystvenno-kul'turnyye tipy i istoriko-etnograficheskiye ob-lasti (k postanovke problemy) [Economic-cultural types and historical-ethnographic regions (problem statement)]. *Sovetskaya etnografiya*. 1955, no. 4, pp. 3–17. (In Russian)

Lichkov L. S. Yakuty [Yakuts]. In *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 tomakh* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 vols.]. K. K. Arsen'yev, F. F. Petrushevskiy

(Eds.). St. Petersburg, Tipografiya Akts. Obshch. Brokgauz-Efron, 1904, vol. XLI-A, pp. 631–634. (In Russian)

Mainov I. I. *Nekotoryye dannyye o tungusakh Yakutskogo kraya* [Some data on the Tungus of the Yakut region]. Irkutsk, Tipo-litografiya P. I. Makushina, 1898, 214 p. (In Russian)

Malinowski B. *Nauchnaya teoriya kul'tury* [Scientific theory of culture]. Moscow, OGI, 2005, 184 p. (In Russian)

Materialy po istorii Yakutii 17 veka: (dokumenty yasachnogo sbora): v 3-kh chastyakh [Materials on the history of Yakutia of the 17th century: (yasak collection documents): in 3 pts.]. Moscow, Nauka, 1970, pt. 1, LIII, 158 p. (In Russian)

Middendorf A. F. *Puteshestviye na Sever i Vostok Sibiri. Sever i Vostok Sibiri v estestvenno-istoricheskom otnoshenii: v 2-kh chastyakh* [Journey to the North and East of Siberia. North and East of Siberia in natural-historical relation: in 2 pts.]. St. Petersburg, Tipografiya Akademii nauk, 1878, Pt. 2, sec. 6: Korennyye zhiteli Sibiri [Indigenous inhabitants of Siberia], pp. 619–833. (In Russian)

Otkrytiya russkikh zemleprokhod tsev i polyarnykh morekhod ov 17 veka na severo-vostoke Azii: sbornik dokumentov [Discoveries of Russian explorers and polar navigators of the 17th century in northeast Asia: collection of documents]. N. S. Orlova (Comp.), A. V. Yefimov (Ed.). Moscow, Geografiz, 1951, 620 p. (In Russian)

Pavlovskiy A. P. *Poezdka iz Yakutsk na Uchurskuyu yarmarka* [A trip from Yakutsk to the Uchur fair]. *Zapiski Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Siberian Department of the Russian Geographical Society]. 1863, vol. VI, pp. 1–23. (In Russian)

Pevnov A. M. *Lingvisticheskiye svidetel'stva istorii narodov Yakutii* [Linguistic evidence of the history of Yakutia's peoples]. In *Istoriya Yakutii: v 3-kh tomakh* [History of Yakutia: in 3 vols.]. A. N. Alekseev, R. I. Bravina, Ye. N. Romanova (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 2020, vol. 1, pp. 273–280. (In Russian)

Romanov N. S. *Yasak v Yakutii v 18 v.* [Yasak in Yakutia in the 18th century]. Yakutsk, Yakutkni-goizdat, 1956, 103 p. (In Russian)

Safronov F. G. *Russkiye na severo-vostoke Azii v 17 – seredine 19 vv.: upravleniye, sluzhilyye lyudi, krest'yanye, gorodskoye naseleniye* [Russians in northeast Asia in the 17th – mid-19th centuries: administration, military servitors, peasants, urban population]. Moscow, Nauka, 1978, 257 p. (In Russian)

Steward J. *Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution*. Urbana, University of Illinois Press, 1955, 244 p.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda, Otdel 1. Narodnost'. Rodnoy yazyk. Vozrast. Gramotnost'. T. 7: Dal'ne-Vostochnyy kray; Yakutskaya ASSR [All-Union Population Census of 1926, Section 1. Nationality. Native language. Age. Literacy. Vol. 7: Far Eastern Territory; Yakut ASSR]. Moscow, Izdaniye TsSU SSSR, 1928, 200 p. (In Russian)

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 g. Osnovnyye itogi. Rossiya [All-Union Population Census of 1939. Main results. Russia]. St. Petersburg, Blits, 1999, 207 p. (In Russian)

Wrangel F. P. *Puteshestviye po severnym beregam Sibiri i po Ledovitomu moryu sovershennoe v 1820, 1821, 1822, 1823 i 1824 gg. ekspeditsiyey pod nachal'stvom flota leytenanta F. P. Wrangelya* [Journey along the northern shores of Siberia and the Arctic Ocean conducted in 1820, 1821, 1822, 1823 and 1824 by an expedition under the command of Fleet Lieutenant F. P. Wrangel]. Moscow, Izd. Glavsevmorputi, 1948, 456 p. (In Russian)

Zuev A. S. *Russkaya politika v otnoshenii aborigenov kraynego Severo-Vostoka Sibiri (18 v.)* [Russian policy toward aborigines of the far northeast of Siberia (18th century)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2002, vol. 1, no. 3, pp. 14–24. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
29.11.2025*

Сведения об авторах – Information about the Authors

Ванда Борисовна Игнатьева – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра интеллектуальной истории и культуры, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

v_ignat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8312-1040>

Vanda B. Ignatyeva – Candidate of History, Leading Researcher, Center for Intellectual History and Culture, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia)

Игорь Альбертович Данилов – младший научный сотрудник Центра социолингвистических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

igor_danilov_2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1974-3088>

Igor A. Danilov – Junior Researcher, Center for Sociolinguistic Studies, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia)